
Глава 1

«Если хочешь быть счастливым, будь им».

Эта крылатая фраза Козьмы Пруткова — гениальность или глупость? А многочисленные лозунги новоиспеченных психотерапевтов и клинических психологов насчет того, кто кузнец личного счастья, — всеобщая паранойя или здравый расчет? Будь в позитиве, раздвинь рамки, научись видеть хорошее в плохом...

Список можно продолжать до бесконечности, но есть ли в этом смысл? Ведь по большому счету призывы психиатров и психологов сводятся к одному: настройся на позитив, его ты и получишь. Докажи пессимисту, что он не может решить свои проблемы всего лишь из-за неверного подхода к жизни, и все вокруг него преобразится. Дерзай, стремись, думай о хорошем.

А что, если ты сам не видишь ничего положительного в жизни того самого пессимиста? Почему ты вообще должен что-то доказывать? Почему ответственность за психическое здоровье человека, которому ты никто, должна ложиться на тебя?

Полковник Гуров широким шагом двигался от аллеи Цветного бульвара к Петровке, хмурил брови и вел мысленный спор с женой Марией. Начался он неделю назад, с каждым днем набирал все больший накал, и конца не предвиделось.

Предметом спора являлся великовозрастный сынуля бывшей коллеги Марии, лет пять назад сменившей актерскую карьеру на амплу бизнесвумен. Для испытания предпринимательских способностей бывшая актриса выбрала, казалось бы,

совершенно не женский вид товаров, организовала интернет-торговлю запчастями к автомобилям отечественных и зарубежных марок.

Совершенно неожиданно дело у актрисы пошло. Уже через год она получала такой доход, которого многие ее конкуренты не сумели добиться и за пять лет. Вместе с ростом благосостояния увеличились и проблемы актрисы. Состояли они в том, что ее сынок начал получать непривычно щедрые денежные субсидии и пустился во все тяжкие.

Года три актриса наслаждалась возможностью заваливать сына подарками, оплачивать его дорогостоящие развлечения и путешествия. Когда до нее дошло, что сын растет трутнем, она схватилась за голову. Недолго думая, эта дама кислород любимому детищу перекрыла, денежный поток урезала, устроила его на работу, договорилась в институте, чтобы парня зачислили в студенты, да еще и домашние обязанности на двоих поделила.

Как и всегда, когда человек бросается из крайности в крайность, ни к чему хорошему нововведения актрисы не привели. Сынок взбунтовался, заявил, что мамашиними деньгами сыт по горло, и ушел из дома. Три недели маменька выдержала стойко, не звонила, не искала, деньгами не ссужала. Потом сердобольная соседка сообщила ей, что видела ее сынка в непотребном виде и в недостойной компании.

И все! После этого актриса забыла про все принципы, начала дите неразумное разыскивать, телефон обрывать, друзей его по дворам вылавливать. Но сынок, видимо, решил мамашу проучить основательно. Как она ни старалась, а выйти на него не сумела, теперь уже не была уверена даже в том, жив ли он.

Бывшая актриса, измотанная неизвестностью, вспомнила про Марию, вернее сказать, про ее мужа-полицейского, и явилась к ним с визитом. С тех пор спокойная жизнь закончилась и в этом доме. Чего она хотела? Довольно многого. Прежде всего Гуров должен был отыскать ее сынка и вернуть в родной дом. Потом полковнику предписывалось провести с ним профилактическую беседу на тему: «Так жить нельзя, или Куда заведут безнравственные связи». Еще не мешало бы

отвадить от слабохарактерного сыночка всех дружков-нахлебников. И прочая, прочая, прочая.

Самым печальным во всей истории было то обстоятельство, что жена Льва Ивановича поддержала все пункты требований своей бывшей коллеги.

«Надо помочь мальчику!» — твердила она, не желая слушать никакие доводы и аргументы.

Тот факт, что мальчику было двадцать два и он давно вышел из младенческого возраста, для Марии Строевой значения не имел. Он попал в беду. Кто способен справиться с ней, если не полковник из уголовного розыска?

Три дня назад Гуров понял, что проще смириться и выполнить требование супруги, чем терпеть противостояние в собственном доме. Он нашел парня, сумел пообщаться с ним по телефону, назначил встречу на нейтральной территории и надеялся, что скоро все закончится.

Но эти надежды не оправдались. Три дня подряд в обеденный перерыв полковник отпраивался в аллею на Цветной бульвар, где его должен был ждать сынок актрисы, и каждый раз уходил оттуда ни с чем.

Вот и сегодня, прождав сорок минут, Лев Иванович получил СМС-сообщение. Сын актрисы сообщал сыщику, что обстоятельства не позволили ему прийти на встречу.

Обстоятельства, видите ли! Интересно, какие же? Работу, по словам матери, он бросил, ничем полезным не занимался. Что могло ему помешать встретиться с Гуровым? Да он попросту не собирался этого делать, вот и все обстоятельства.

«Решил время потянуть, сделать вид, что согласен на мировую, поиграть в кошки-мышки, а потом исчезнуть, — размышлял Гуров, сворачивая к воротам главка. — И что теперь прикажете делать? Арестовать и в обезьянник закрыть, раз гуманные варианты себя не оправдали?»

— Простите, Лев Иванович. Вы не уделите мне несколько минут? — Немолодой мужчина удержал полковника за рукав.

— В чем дело? — Ответ прозвучал грубо, и Гуров тут же почувствовал неловкость.

Вот до чего дошел, ни за что на человека сорвался.

— Трудный день? — Мужчина сочувственно покачал головой. — Рад бы вас не загружать, но не могу. Долг обязывает.

— Долг? Вы из проверяющих органов? — спросил полковник и нахмурился.

— Вообще нет. Ни к каким таким органам я отношения не имею. Зовут меня Александр Веденеев. Давайте отойдем? — Мужчина махнул рукой в сторону аллеи. — Не хотелось бы в воротах стоять.

Не дождавшись ответа, он двинулся к пешеходному переходу. Гуров пошел за ним. В аллее мужчина выбрал скамейку, стоявшую особняком, положил на сиденье клетчатую хозяйственную сумку, на спинку кинул драповое пальто.

Конец марта баловал москвичей теплом и солнцем.

Гуров расстегнул куртку, снимать ее не стал, присел на скамью, перевел взгляд на мужчину.

— Теперь вы готовы? — спокойно спросил он.

— Боюсь, что нет. — Голос этого человека дрожал, в глазах его внезапно появились слезы.

Он отвернулся, несколько раз глубоко вздохнул. Эта процедура помогла. Слезы исчезли.

— Ситуация сложилась следующая. Убит мой сын Иван. Тело находилось в багажнике его собственного автомобиля, стоявшего в районе Старо-Марковского кладбища. Руки и ноги связаны нейлоновыми хомутами для стяжки кабелей. На теле кровоподтеки, резаные раны, ожоги и гематомы. Дело передано в отдел МВД по Алтуфьевскому району следователю Юдину, но я пришел просить вас провести расследование.

— Не доверяете Юдину? Как давно идет следствие? — Гуров старался, чтобы фразы, произносимые им, звучали как можно мягче, понимал состояние собеседника.

— Не могу сказать, что не доверяю. Я его просто не знаю. Не представляю, как он работает, какой у него опыт, сколько дел подобного рода успешно раскрыл.

— Зачем лукавить? Считаете, что Юдин не справится, так и скажите. — Гуров почувствовал, что собеседник уклоняется от ответа, и ему это не понравилось. — Почитали вы отзывы о нем на каком-нибудь сайте и решили, что он вам не подходит.

— Я знаю, что доверяю вам, Лев Иванович, — заявил мужчина. — Отзывы о вас я не в интернете собирал. Помните мальчика Никиту, отец которого был найден мертвым в гараже? Он к вам пришел не по протекции, просто от отчаяния. Вы помогли ему, сумели доказать, что мужчина умер насильственной смертью, а не покончил с собой. Убийц его нашли и на скамью подсудимых отправили.

Дело Никиты с алкоголичкой-матерью и внезапно обретенным отцом Гуров помнил. Не забыл он и момент, когда этот парень пришел к нему. Он ведь тогда его выгнал, отказал ему, отправил к следователю, которому поручено было вести это дело. А парнишка не ушел, встал под окнами и ждал. Чего? Пока сердце полковника смягчится.

В тот раз сыщик действительно помог. Но ведь это вовсе не означает, что следователь Юдин сработает хуже, чем он.

— В тот раз были другие обстоятельства, — произнес Гуров. — Дело собирались закрыть с вердиктом «суицид», тогда как на самом деле мужчину убили. В вашем случае расследование только началось. Не спешите с выводами, попытайтесь наладить контакт со следователем, наберитесь терпения и ждите.

— Да не могу я ждать! — Крик шел от самого сердца. — Моего мальчика пытали! Мучили, истязали, а потом запихнули в багажник и оставили умирать. Два дня он лежал в багажнике. Слабый, измученный, но живой. Его еще можно было спасти. Случайный прохожий, служитель кладбища — любой человек мог заметить машину, подойти и просто полюбопытствовать, почему она стоит в таком неподходящем месте. Тогда они услышали бы моего мальчика, открыли бы багажник, вызвали бы полицию и «Скорую». Он был бы сейчас жив. Если бы я послушал жену, предпринял бы меры, отреагировал быстрее, то мой сын был бы теперь с нами. Я должен был действовать, понимаете? Терпение и ожидание уже лишили меня сына, а вы предлагаете мне еще и его убийц на свободу отпустить?

— Вы не отпускаете их на свободу. Ведется следствие, — сказал Гуров.

— Не отпускаю и не отпущу! — заявил Веденеев. — Поэтому я здесь. Мне известно, что самое важное для следствия —

не упустить время. Первые двадцать четыре часа имеют решающее значение. У меня их нет, так что ждать я не намерен. Это мой долг перед сыном, женой и самим собой. Прошу вас как отец отца. У вас ведь есть дети?

— Это не имеет значения, — ушел от ответа Гуров.

— Похоже, я допустил бестактность. Простите. — Веденеев смутился. — И все же вам наверняка знакомы тревоги родителей, у которых взрослые дети. Друзья, знакомые, коллеги, соседи, в конце концов. Кто-то наверняка делился с вами своими переживаниями. В мире столько соблазнов для неокрепшей души. Взбрыкнул, заигрался, переоценил свои возможности и не заметил, как попал в беду. У одного молодого человека период самоутверждения проходит относительно безболезненно, а для другого заканчивается трагедией.

Гуров вспомнил заплаканное лицо актрисы. Неделию назад она убеждала полковника в том, что ее сын в силу возраста не способен видеть всей картины в перспективе и адекватно оценивать ситуацию. Промедление может привести к настоящей трагедии, предотвратить которую пока еще возможно.

«И ведь оба они правы. То, что могло принести пользу вчера, завтра станет совершенно неактуальным. Три дня сын актрисы посылает мне отписки. Я злюсь, но жду. А кто знает, чем закончится следующий день и где окажется парень. Два дня, сорок восемь часов было у него в запасе. Представить страшно, что ощущает отец в такой ситуации», — подумал Лев Иванович.

— Вы мне можете помочь? — прервал Веденеев затянувшееся молчание.

— Мы ведь сами себе работу не выбираем. На то, чтобы забрать дело у следователя, нужны веские основания, — сказал Гуров. — Ладно, давайте мы с вами поступим следующим образом. Вы расскажете мне все, что знаете сами, затем я пообщаюсь со следователем Юдиным и только после этого буду принимать решение. Такой вариант вас устроит?

— Сколько времени это займет?

— Не беспокойтесь, тянуть я не собираюсь.

Веденеев коротко кивнул и приступил к рассказу.

Анна и Александр поженились, когда ей едва исполнилось восемнадцать, а он разменял четвертак. Сына же, единственное чадо, им пришлось ждать долгих двадцать пять лет. Когда Александр подошел к полувековому юбилею и Веденеевы уже потеряли всякую надежду обзавестись наследником, Анна вдруг забеременела.

Сын родился крепким, здоровым. Поздний ребенок, долгожданное дитя, неожиданное счастье.

Все окружение Веденеевых сходилось на том, что пожилые родители начнут баловать свое чадо еще в утробе. Но нет, и Анна, и Александр подошли к воспитанию сына ответственно. Были, конечно, и подарки, и сладости, и развлечения, но они требовали от сына отдачи и ответственности.

Иван рос не проблемным ребенком. Учился хорошо, в дурные компании не лез, деньги с родителей не тянул и вообще обходился малым. Отцу с матерью всем, чем мог, старался помочь, не обременять их своими заботами. А вот экзамен в институт он провалил. То ли перенервничал, то ли знаний не хватило — одним словом, не срослось.

Родители уговаривали его пойти учиться на коммерческой основе, мол, оплату мы вытянем, а он в армию ушел. Сказал, что вернется и отучится, да так и сделал. Сразу после службы Иван подал документы в строительный институт на заочное обучение. Выбрал инженерную специальность, прошел установочную сессию, успешно закрыл зимнюю и начал готовиться к летней.

Казалось бы, все хорошо. Армия позади, образование впереди.

К возвращению сына Веденеев с женой постарались, купили ему «Хонду». Модель не новая, но довольно престижная. Чтобы иметь достаточно времени на учебу, Иван выбрал работу со свободным графиком, устроился на своей машине в таксопарк. Деньги не великие, зато можешь сам решать, когда пассажиров возить, когда отдыхать.

Ночные выезды сына старшему Веденееву не пришлись по душе, да что тут поделаешь? В каждой работе есть свои плюсы и минусы. Александр имел свой небольшой бизнес, однако Иван наотрез отказался идти по стопам отца, перенимать

его дело даже как временный вариант не стал рассматривать. Потом, когда жизнь вошла в колею, Александр тихо привык к мысли о том, что его сын имеет полное право вести свою линию.

Веденева огорчало одно. От прежних друзей Иван отошел, а из новых всего одного и завел. Да и того другом назвать у отца язык не поворачивался. Что за дружба, когда разница в возрасте составляет десяток лет? После сорока понятно, там возрастные границы уже не ощущаются. Но если тебе девятнадцать, молоко на губах не обсохло, а ты записываешь в лучшие друзья мужика, которому год до тридцатника недостает, то это очень даже наводит на размышления.

С Игорем Никифоровым Иван познакомился в институте. Оба поступили на одну специальность и еще с установочной сессии начали общаться. Отец думал, что сыну льстит внимание взрослого мужчины, тот факт, что он держит себя с ним на равных. Про Игоря Иван рассказывал немного, домой не приглашал, но вне учебы встречался с ним регулярно. В таксисты он тоже с подачи Игоря пошел.

Вечером накануне исчезновения Иван взял выходной и поехал прогуляться. По словам матери выходило, что он собирался встретиться с Игорем.

Анне странная дружба сына не нравилась еще больше, чем Александру. В отличие от него она открыто высказывала свое недовольство, не раз заявляла сыну, что ни к чему хорошему подобные знакомства не приводят.

Иван всегда считался с мнением матери, но в отношении Игоря проявлял непонятное упрямство.

«Он интересный человек, много повидал, во Франции жил, — отстаивал свое право на выбор друзей Иван. — С ровесниками мне поговорить не о чем. У них в головах только игры, фильмы и девки».

Мать пыталась убедить сына в том, что в девятнадцать лет интересы парней и должны распространяться на фильмы и девок, но Иван твердо стоял на своем. На этом их разговор и заканчивался.

Ночевал Иван всегда дома, а если задерживался где-то дольше часа ночи, то всегда предупреждал. В ту ночь он это-

го не сделал. Анна тоже ему не позвонила. Перед уходом сына разговор дошел до серьезной ссоры. Мать даже пыталась запретить ему покидать дом, но разве в девятнадцать лет это сработает? Иван ушел, хлопнул дверью. Анна осталась у порога, еще не знала, что видит сына в последний раз.

В восемь утра она уговорила мужа набрать номер Ивана. Тот не ответил на вызов. Александр посоветовал жене набраться терпения. Дескать, у мальчика выходной, отоспится и сам свяжется со мной или с тобой. Но этого не произошло ни в двенадцать, ни в пять, ни в семь. В девять вечера Анна позвонила сама, но телефон сына оказался выключен.

«Ладно, пусть он со мной общаться не хочет, — рассуждала Анна. — Но ведь на этот номер ему приходят заказы, а выходной у сына закончился ровно в девятнадцать ноль-ноль. Почему телефон все еще отключен?»

Она снова начала теребить мужа, заявила, что с Иваном случилась беда, иначе он непременно обозначился бы.

Веденеев и сам понимал, что дело приняло серьезный оборот, собрался и пошел в полицию. Там он написал заявление, добился, чтобы его зарегистрировали, заставил проверить все сводки за сутки, вместе с дежурным скрупулезно читал приметы в сводках. Параллельно отец подал в розыск автомобиль сына, обзвонил все больницы, а потом поехал по моргам.

Сутки он мотался по Москве, от больницы к больнице, от морга к моргу, осматривая тела тех мужчин, которые хотя бы отдаленно походили на сына. В пять утра поступил звонок от дежурного. Он сказал, что автомобиль «Хонда», синий металлик, найден в районе Старо-Марковского кладбища, предложил приехать туда и отключился. Его слова прозвучали так, что Веденеев сразу понял: сына живым он не увидит.

Анне звонить он не стал, поехал один, у ворот кладбища увидел скопление людей и аж целых три машины. Это в шестом часу утра. Тело его сразу отяжелело. Веденеев с трудом заставил себя выйти из машины. На ватных ногах двинулся к воротам.

Там его остановил шуплый парнишка лет двадцати пяти и заявил, что кладбище для посещений временно закры-